

Леонид Могилев

Поэт, прозаик. Родился в г. Иркутск в 1953 году. Окончил Воронежский Политехнический Институт. Инженер-механик. Жил в Латвии и Эстонии. С 1991 года проживает в Санкт-Петербурге. Работал монтировщиком декораций и осветителем в театре, сварщиком, бригадиром, мастером, технологом, журналистом, директором издательства. Стихи и проза публиковались в журналах «Даугава», «Родник», «Таллин», «Радуга», «Подъем», «Дон», «Аврора», «Кольцо-А» и в коллективных сборниках. Член Союза писателей России с 2006 года. Лауреат литературной премии имени Александра Прокофьева «Ладога», Всероссийского творческого конкурса «Дороги фронтовые — узелки на память», Всероссийского поэтического конкурса «Бессонная любовь» (2024, Тольятти), Международного литературно-художественного конкурса «Прогород. Раскрученная серия». Автор одиннадцати книг.

Защитники неба блокадного Ленинграда

(отрывки из рукописи, посвященной героическим зенитчикам 194-го полка, защищавшим ленинградское небо в годы блокады, окончание, начало в № 3/2025)

Стуликов Виктор Иванович — старший радиотелеграфист прожекторного батальона, 194-го ЗАП, сержант:

«Родился 15 января 1925 года в Ленинграде на Заозерной улице. Теперь это Лубенская, возле Фрунзенского Универмага, на другой стороне Обводного канала. В этом доме прожил сорок лет. До войны бросил школу и пошел работать. Отец умер в 1936 году. Матери было нелегко. Работал недалеко от дома шлифовщиком на «Заводе № 441» — филиале авиационного завода.

Потом завод эвакуировали в Уфу, а я остался. Работал на заводе им. Егорова всю блокаду токарем. Бомбы, снаряды, мины... Работали мы по двенадцать часов, в цехе холодно, голод. От усталости и дистрофии находился на краю смерти. Норму выполнял.

Мужчин становилось все меньше. И вот поставили нас на казарменное положение. У нас на заводе были винтовки, две гаубицы и одно противотанковое орудие. Нас обучали, и как можно скорее. Боролись мы и с пожарами — немец заводы бомбил, сыпал зажигалками, как горохом. Часто горел и соседний “Скороход”. Потом оставшихся взрослых мужчин отправили на передовую, и нас осталось еще меньше, а работы много больше. В один из налетов меня ранило, и очень тяжело. После госпиталя я попал в народное ополчение, потом на батарею. Номеров батареи не помню. Их все знают, а я не помню. Стояли на баржах у моста лейтенанта Шмидта.

Я работал на РАП-150. Это была настоящая радиолокационная установка. Работала она по принципу обыкновенного локатора, у нее был дизель для питания. Антенна излучает импульс, отраженный от самолета импульс принимают четыре антенны. За прожектором сидят три оператора. Это в то время было три кинескопа! Два оператора ловят по азимуту и вертикали, третий смотрит на свой экран, определяет дальность. Когда самолет влетает в зону освещения, я даю луч.

В 1945 году мы свой РАП-150 сдали на консервацию. Я попал в полковую школу, обучился на радиста и служил в Эстонии до 1950 года. В общем, семь лет службы...»

Корягин Анатолий Александрович — рядовой батареи:

«...В первый день по прибытии под Ропшу только успели развернуться, как сразу вступили в бой. Спасибо ленинградским рабочим — подготовили нам ровики под орудия. Интенсивным огнем разогнали фашистов. Наша батарея сбила Мессершмитт-109. Через некоторое время батарея была переброшена под Капорскую, в связи с приближением передовой. На новой позиции было поставлено три орудия для стрельбы по самолетам, а четвертое, которым командовал Кавалеров В. П., на высоте. Вот там-то и отличился Кавалеров. Он уничтожил то ли два, то ли три танка и не менее роты пехоты. Двое из орудийной прислуги ранены, и только вообразить — на Кавалерове была пробита вся шинель, полы, а сам он чудом уцелел. За этот бой он получил Орден Красного Знамени. Связь с дивизионом была прервана, и командир батареи Кириллов руководил по наитию. Когда же к нам пробрался связной с приказом отходить, мы узнали, что впереди наших войск нет. Мы вывезли три орудия и пулеметную установку, а орудие Кавалерова вывезти было нельзя. Сняли замок, накатник и приборы, а все остальное взорвали.

Отошли мы через Капорскую и Рюрики на Урицк и встали в районе Витебской-товарной. Там были так называемые бои местного значения. Но запомнился так называемый “звездный налет”. Сотня самолетов

шла со всех сторон. Много мы их сбили, а потом опять налет. Они стали хитрить — сбрасывать с самолетов корзины с землей, чтобы отвлечь зенитки, но мы с этим справились. Видел я и таран летчика Харитонова, под огнем наших батарей. В этот налет прошли в город единицы фашистов. Еще помню, как при обстреле погиб чудесный командир орудия Павел Нехорошев и был ранен заряжающий Осмоловский. Вот и все, что в памяти осталось.

Помню немного фамилий однополчан — Пелевин, Орлов, Матук, Шумский, Дмитрий Павлов (ленинградец), Логачев, Мелешко Ю., командир огневого взвода, Антонов И., Котик Виктор Михайлович. Очень жаль, что смерть унесла капитана Кириллова».

Паперин Г. Г.:

«...Теперь о СОН-2. В мае 1942 года меня в группе откомандировали на новую точку. Это был остров Голодай. Командиром станции был старший лейтенант Беленький, замполитом П. Руденко (потом он стал командиром батареи). Вначале ее поставили на левом берегу Смоленки, за кладбищем. Но оказалось, при определенном ветре нас заливало. Однажды река Смоленка стала быстро подниматься, и мы по грудь в воде. Мы с большим трудом перетащили технику на правый берег. Станция была английская, в африканском исполнении. Никто ничего в ней не понимал. Привезли с большой земли ученого Андреева, одели его в офицерскую форму. Несколько дней он разбирался в сложных чертежах, и в конце мая мы стали станцию монтировать.

Было создано два расчета. Я стал командиром отделения связи и парторгом батареи. К нам было прикреплено три четырехорудийных и одна трехорудийная батарея. Мне пришлось создавать самодельную аппаратуру для передачи на все батареи три линии — “азимут”, “угол места” и “дальность”. Мне помогали Петя Рычков и Лева Тузин.

В мае 1942 года станция стала работать в боевом режиме. Первым, кого сбили, был герой Советского Союза, ас Жидов, который пренебрег новой техникой и не включил сигнал — “я свой”. Мы поникли... Готовились к худшему.

Вечером на позицию приехали командующий корпусом ПВО, другие начальники, группа летчиков и... живой, но перебинтованный Жидов. Командующий наградил медалью “За боевые заслуги” двух командиров расчетов.

На батарее я был до июля 1943 года, и за это время мы сбили около двадцати самолетов. Я лично во время боя обеспечивал прямую связь с фронтом, армией, дивизионом. Во время работы станции ни один самолет не смог пройти через зону станции. Впрочем, один все-таки прошел.

Попал в мертвое пространство и сбросил бомбу прямо на наше расположение.

В феврале 1944 года я был направлен на учебу в Горьковское военно-политическое училище им. Фрунзе. Закончил службу я в 1954 году в Забайкалье, капитаном.

Кого я помню из однополчан? Из нашего Пушкинского района в ноябре тридцать девятого в 194-й ЗАП, в третий дивизион попало пять человек.

Зотов Андрей Гаврилович дослужился до полковника, вернулся домой и умер два года тому назад. Лазарев Сергей вернулся без ноги (в конце войны воевал в пехоте), работал преподавателем в школе, в Пушкине, сейчас на пенсии. Василий Осипович Громов был в 194-й ЗАП до сорок третьего года, потом воевал в других частях, демобилизовался в пятьдесят пятом и работал вместе со мной на фабрике. Сергей Константинович Подлазов в сорок третьем был откомандирован в другую часть и погиб.

Знаю, что Попов Никита, который заменил меня на должности парторга дивизиона, окончил "Военный институт", потом там преподавал и умер несколько лет назад в Ленинграде. Его жена — Лебедева также служила на одиннадцатой батарее».

Кондрашов В. М.:

«...После поправки я прибыл на остров Голодай на семнадцатую зенитную батарею и сразу был назначен командиром орудия. Блокада и нас коснулась. В январе сорок второго года я был настолько слаб, что по объявлении боевой тревоги мне помогали выходить из землянки. В 1942 году мы были приданы 5-му дивизиону ЗАП 194-й. Стояли на набережной Невы слева крейсер "Киров", справа эсминец. Майор Серов, командир 5-го дивизиона, выводил меня на набережную и, достав пистолет, обещал расстрелять, если хотя бы одна бомба упадет на "на эти коробки".

В сорок втором году нам прибавили по триста грамм хлеба, крупы и другого довольствия.

24 апреля мы отражали массированные налеты немцев. Очень этот день запомнился. В конце сорок второго года мы выехали на прорыв блокады в район Большое Манушкино и заняли позицию. 12 января началась артподготовка. Непрерывно били два часа. Стволы раскалились... И вскоре нам стало известно, что наши стрелки переправились через Неву, и успешно. Вскоре и мы под огнем переправились, встали под деревней Марьино. Говорят, до войны там было сто семьдесят семь домов, но мы увидели лишь одну печную трубу, чудом уцелевшую.

Сопротивление немцев было яростным. В район 8-ой ГЭС шло подкрепление — 3-я дивизия СС. Не осталось после наших залпов дивизии этой, а мы получили благодарность от генерала Симоняка.

Но главное было впереди. В июле сорок третьего мы располагались в Синявино, у Зольной Сопки, перед нами болота, а на высотах немцы. До окопов их метров семьсот-восемьсот, а может, меньше. Слышно было, как они балагурили на предмет “Катюша-Ванюша”. Тяжелые бои шли в июле. Сложные и безуспешные атаки по непроходимым болотам...

Каждый день, вернее, каждую ночь, в два-три часа, мы вели артподготовку. Казалось, ничего у немцев не должно было остаться, сигнал, ракета, атака, срыв... и тут же нас начинали “любить” их “Танюши”. Вспоминаю неравный бой с несколькими самолетами: мой оружейный расчет сбил самолет, а другой повредил. Награды за это не было. Не до того всем было, да и некому, ведь от батареи-то осталось в живых двадцать четыре человека, да и те под Тосно были окружены и погибли. Так было со всеми батареями 25-го ОЗАД. Помню, как командир дивизиона Серов по-пластунски пробирался к передовой, и по его сообщениям мы вели огонь. Что с ним случилось потом, не знаю. Затем был Ленинград, новая техника, Комендантский аэродром, помню еще, как располагались на крыше одного из цехов Балтийского завода. Там и встретили Победу, прямо на крыше...

В августе, а может, и раньше, точно не помню, готовилась команда к отправке на Дальний Восток для войны с Японией, но поступила команда отправить нас в зенитную батарею на Ладожское озеро. Недолго я там был и стал готовиться к командировке в Иран, куда и прибыл в декабре. В апреле 1946 вернулись в СССР. И мой двадцать первый год — демобилизовали...»

Телегин Виктор Константинович — командир огневого взвода, 22-й батареи ЗАП, капитан в отставке:

«В конце лета сорок второго года 22-я батарея пятого дивизиона находилась на набережной Рошаля, у памятника Петру Первому. Командовал батареей капитан Бобров. Командиром взвода управления был младший лейтенант Кабысин. В приборном отделении я помню всех. Командир отделения сержант Пасконин, наводчики Шацман и Данненберг, совмещающие на барабанах рядовые Эпштейн, Дюранова и Монин. Командир первого орудия сержант Кузнецов, заряжающий первого орудия рядовой Иваньков, на повороте орудия Феклистова, телефонисты рядовые Уткина, Эльдин, сержант Апанасенко. Остальных не помню.

Часто в ночное время мы вели заградительный огонь. В начале 43-го года батарее было приказано занять огневую позицию в километре от

Невы, на правом берегу, в створе восьмой ГРЭС. Однажды ночью мы отправились на новую огневую позицию.

...Это была небольшая поляна среди леса, в землю не вкопаться из-за грунтовых вод. Все окопы и жилые помещения для расчетов решили строить на поверхности. Из пяти-шести крупных бревен вязали укрытия, сверху накатывали бревенчатый потолок, пол устилали хвоей. Забираться приходилось ползком, маскировались ветками. Во время пролета разведчиков замирали. "Рамы" кружили над нами, но ничего не обнаруживали. В дневное время, когда не было в небе разведчиков, готовили сани под орудия, для форсирования Невы по льду. Вокруг батареи была напичкана наша техника. Казалось, что людей больше, чем леса, но немцы ничего не заметили.

Настало утро 12 января 1943-го года. Необыкновенное зрелище арт-подготовки! Заговорили сразу десятки тысяч орудий и минометов. Все дрожало и гудело. Дали залп гвардейские "Катюши". Все соединилось в единый рев. Мы ликовали. Настал час расплаты!

Когда наши части пошли на лед, завязался жестокий бой. Один немецкий снаряд попал в бруствер нашего окопа и не разорвался. Кувыряясь в воздухе, он упал недалеко от батареи. Полетели щепки от саней и снег. Нам посчастливилось остаться живыми.

К полудню, когда наши уже бились на том берегу, немцев не удалось выбить из поселка 8-й ГРЭС. Немцы засели там и вели сильный огонь. Мы выпустили по поселку пятьдесят снарядов воздушного разрыва. Пехотные командиры нас поблагодарили. Мы видели, как немцы метались по поселку. Ночью мы благополучно перешли Неву и заняли позицию у поселка 8-й ГРЭС. Потом нас перебросили в устье Невы. Мы встали напротив крепости Орешек и должны были охранять единственный деревянный мост через Неву, связывавший Большую Землю с осажденным Ленинградом. Здесь же проходила высоковольтная линия с Волховской ГЭС. Все это наши саперы и электрики смонтировали за считанные дни.

Каждую ночь по мосту проходило до сорока эшелонов в одну сторону, в следующую ночь в другую. Однажды над мостом появился наш И-16, а летать было запрещено всем. Другие батареи полка открыли по нему огонь. И один снаряд разорвался низко и убил заряжающего рядового Русских. Мы тут же его похоронили в неглубокой могиле...

В июне 43 года меня отчислили в 47-й запасной полк в Парголово. Из запасного полка в 970-й артиллерийско-зенитный полк в район Ижорского завода. С ним мы освобождали Эстонию и Латвию.

В июне 1945 года 970-й ЗАП участвовал в освобождении Манчжурии и Северной Кореи. В 1953 году меня уволили по сокращению штатов».

Гвоздиков Виктор Иванович, старшина запаса:

«18 января 1943 года я через Ладогу по дороге жизни со своими товарищами прибыл на семнадцатую батарею четвертого дивизиона. Мы были представлены к орудиям номерами. Старички коротко обменялись опытом в боевой обстановке. Я стал заряжающим, мой друг Панфилов Л. — трубочным. Мне было неполных восемнадцать лет, снаряд весил 15,8 килограмма, а ящик — 84. Скорость стрельбы 1,5-3 секунды.

Затем наше орудие перевели на 19-ю батарею, где командовал капитан Коновалов. Была создана опытная восьмиорудийная батарея. Шла служба, вступили в партию, стали командирами орудийных расчетов.

В феврале 1945 года двадцатая батарея, которая находилась в Александровском парке, была расформирована. Меня, Сасепкина и Барбосова Н. направили на другие. Мне вручили орудийный расчет. Трудно было с новым коллективом, но я справился.

День Победы я встретил на острове Голодай (стадион им. КИМ). Участвовал во всех салютах до 1950 года. Стал старшиной и артмастером показательных мастерских на Лесном, где начальником был капитан Шичанин Г., потом перешел на батарею у завода Севкабель, с капитаном Коноваловым как артмастер. Но вышло мне быть старшиной, кормить, водить в баню и так далее. Ремонт приборной техники, оптики, стрелкового оружия, аккумуляторное хозяйство, консервация, учебные стрельбы. Был избран секретарем партийной организации, делегировался на партийные конференции округа.

Так пришлось до конца службы передавать опыт войны до марта пятидесятого».

Резвин-Цалер Хаим-Мейлахович:

«Я девятьсот девятого года рождения. Призван в армию в сентябре тридцать девятого и служил в 13-й легкотанковой бригаде санинструктором. За финскую войну имею медаль “За боевые заслуги”, которую получал в Кремле лично от Михаила Ивановича Калинина. На Великой отечественной войне с 22 июня. Служба началась в 194-м зенитно-артиллерийском полку. Основная работа санинструктора тогда состояла в предотвращении заболеваний личного состава. Профилактика борьбы с цингой и с желудочно-кишечными (с голодным поносом). Готовили легендарный хвойный настой.

В декабре сорок второго награжден медалью за “Оборону Ленинграда”.

Служил вначале на тринадцатой батарее, потом во второй. Когда в полк пришли девушки инструктора, был переведен в 942-й полк, на Сивявинские высоты. В августе сорок третьего, вытаскивая бойца с поля боя, был тяжело ранен в челюсть и сам попал в госпиталь.

Выздоровев, самостоятельно изучил зенитный пулемет и был назначен командиром пулеметного отделения 194-го ЗАП, во второй батарее, которая базировалась на баржах, на Неве. В декабре сорок третьего переведен во 2-й зенитно-пулеметный полк. После снятия блокады все пулеметчики были переведены во 2-й зенитно-пулеметный полк для защиты эшелонов, направлявшихся к фронту.

После освобождения ленинградской области вернулся в полк, который был переформирован в 110-ю отдельную зенитно-артиллерийскую бригаду, где и встретил окончание войны. Получил вторую медаль «За боевые заслуги». Демобилизовался в октябре сорок пятого».

Бугорков И. П.:

«...Еще в осенние месяцы боев за Ленинград корабли Балтийского Краснознаменного флота вошли в Неву и заняли стоянки, с которых вели огонь. Корабли серьезно мешали немцам, и потому они внезапными ударами авиации предприняли попытку уничтожить их.

Нева была скована льдом, и корабли не могли маневрировать, представляя из себя хорошие мишени. Дивизион занимал боевой порядок на западной окраине Васильевского острова, ДКП находился в землянке, оборудованной в насыпи реки Смоленки. Ждали первого налета, и он случился.

...Вторая половина дня 4-го апреля была ясной и солнечной. Тревога, переданная на КП полка, застала меня на ДКП. Так как командира дивизиона в расположении не было, мне пришлось принять управление боем на себя.

Со стороны Стрельны на боевой порядок дивизиона шла большая группа Ю-88 и Хейнкелей-111. Самолеты шли компактным строем, выдерживая дистанцию между самолетами, как на параде. Дальнобойная артиллерия немцев открыла ураганный огонь по нашим позициям. Снаряды падали в непосредственной близости от батарей, осыпая их осколками. Необходимо было сосредоточить огонь всех батарей на главной воздушной группировке. Дальномерщики семнадцатой батареи с максимально возможной точностью определили высоту полета целей. Перед главной группой самолетов рвались наши снаряды. И немецкие летчики не выдержали, беспорядочно стали сбрасывать бомбы, разворачиваться, уходить обратно. Бомбы падали на пустыри и в залив.

Прошло несколько минут после отражения основной группы, и с юга, со стороны города, появились небольшие разрозненные группы бомбардировщиков, на высоте до километра. Некоторые из них преследовались нашими истребителями. Эти бомбардировщики заходили на

корабли вдоль Невы с юго-востока. Одна из бомб попала в оружейный котлован и взорвалась под платформой орудия на 16-й батарее, расчет получил ранения. Один из юнкерсов был сбит огнем дивизиона и упал в районе Стрельны. Фашистская авиация в этот день повторила налет в ночное время. Потеряв двадцать шесть самолетов, немецкое командование не решалось повторить налеты. Очередные полеты немецкая авиация повторила через двадцать дней — 24, 25, и 30 апреля, значительными силами и в плохую погоду».

Противник проводил перегруппировку, не отказавшись от идеи захвата города штурмом, но и с нашей стороны приходило пополнение. Весной части ПВО передали большое количество бойцов в стрелковые дивизии, ушло много младших командиров, пришли молодые бойцы. Места ушедших командиров заняли самые способные из солдат. Появились новобранцы-женщины. Ленинградки, москвички, девушки из Ярославля, Татарии, Сибири старательно учились у пушек, дальномеров, приборов управлению огнем у пулеметов, телефонов, раций, становились санинструкторами, поварами, писарями. В 194-й ЗАП было отправлено около восьмидесяти женщин. После 1943 года от тридцати до пятидесяти процентов личного состава были девушки, а батареи СОН и прожекторные посты почти полностью укомплектовывались ими.

Особую группу представляли ленинградки. После блокадной зимы сил у них было маловато. Многие потеряли родных, сами понесли невероятные лишения, но они шли добровольцами. Очень старательно учились, отличались исполнительностью, но службы и боевая подготовка давались им на первых порах нелегко. На батареях были организованы дополнительные занятия, с женщинами работали индивидуально, и вскоре цель была достигнута. Нормативы стали выполняться.

Н. П. Мильченко «Залпы над Невой»:

«...С пополнением мы тут же начали тренировки. Когда я видел, как действуют ленинградки на боевых постах, у меня сжималось от боли сердце. Они многое пережили за месяцы блокады, познали ужасы голода. У них в ходе тренировок случались внезапные приступы головокружения, ноги тяжелели, будто их притягивали цепями к земле. Но они добивались своего, несмотря ни на что, осваивали новые воинские специальности.

Всего с апреля 1942 по май 1945 года в войсках ПВО страны прошло службу около трехсот тысяч женщин, и примерно столько же мужчин было высвобождено для укрепления действующей армии».

Грубская (Ржепницкая) Лидия Тимофеевна:

«Мне как зубному врачу приходилось работать в основном с выездом на боевые точки. В первые месяцы блокады отсутствовало горючее, и приходилось ходить на батареи пешком по пять-шесть км и более, с походным зубным кабинетом, противогазом, голодной, в сильнейший мороз и часто под артобстрелом и бомбежкой.

Запомнилось особенно вот что. В сентябре сорок первого года работала на барже, и взрывной волной меня и других сбросило в залив. В холодной воде мы держались более часа, пока не пришел катер и не подобрал нас. Потом госпиталь, лечение, но не до полного выздоровления. Не хватало коек для раненых. И снова на передовую».

Цвинева Нина Владимировна:

«В июне сорок третьего года на нашей 21-й батарее 5-го дивизиона я и Лена Фадеева отдыхали после дежурства в землянке разведчиков. Как сквозь сон услышала голос командира отделения из окна землянки: “Жив кто-нибудь? Отзовитесь!” Поднялась Лена Фадеева и тут же со стоном упала. Я пришла в себя, подала голос. Через окно нас вытащил старший сержант Михаил Денисов. Оказалось, что первый же снаряд, упавший на позицию батареи, попал в проход нашей землянки, разрушил стену, засыпал ее. Нас контузило. Не успели мы добежать до укрытия, как услышали: “Прямое попадание в первый орудейный расчет”. Это стоявшая на посту разведчица Лена Макаренко крикнула. Старшина роздал лопаты. Откопали. Раненых перенесли в землянку, двоих достали мертвыми. Это были совсем юноши, им не исполнилось и семнадцати. Ленинградец Саша Прокофьев и москвич Витя Смирнов. Тяжелораненый сержант Григорий Пчелинцев скончался в госпитале».

Вадивасов Василий Иванович — секретарь парторганизации полка, подполковник:

«...В начале июня на юге страны развернулись тяжелые бои. Оставлен Севастополь, враг на подступах к Сталинграду, на Кавказе. Эшелон за эшелон перебрасываются под Ленинград войска Манштейна. Директива № 45 Гитлера — “Группе армий “Север” к началу сентября подготовить захват Ленинграда”. Операция получает кодовое название “Волшебный огонь”.

Перед зенитчиками по-прежнему стояла главная задача — защищать город от налетов авиации. Но вместе с тем они привлекались и для прикрытия ударных группировок, и в наступательных операциях. Зенитные батареи готовились к борьбе с танками...

19 августа наши войска форсировали Неву и захватили два небольших, но легендарных плацдарма, в районах Ивановская и Московская Дубровка. 27 августа перешли в наступление войска Волховского фронта, которые вошли в Синявино. “Волшебный огонь” не вспыхнул.

Зенитчики ПВО Ленинграда за период с 22 сентября по 10 октября сорок второго года сбили сорок пять и повредили тридцать два фашистских самолета. После появления в войсках станции “Редут” улучшилось взаимодействие с летчиками-истребителями.

Именем летчика Савушкина названа одна из улиц города. Этот летчик сбил восемнадцать самолетов и один аэростаткорректировщик. Погиб 17 мая сорок третьего года, и ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Героизм Советских воинов и тружеников тыла перечеркнул все планы врага. Хотя Синявинская операция не завершилась прорывом блокады, она помогла предотвратить новый штурм города. Летчики и зенитчики нанесли врагу огромный ущерб — только средствами ПВО за сорок первый и сорок второй годы было уничтожено 992 фашистских самолета, из них зенитной артиллерией 339 машин.

8 декабря 1942 года Ставка издала директиву по прорыву блокады — “Искра”. В ударную группировку включен 5-й дивизион полка под командованием майора Н. М. Серова. Дивизион прикрывал от налетов вражеской авиации 136-ю стрелковую дивизию генерал-майора Н. П. Симоняка, а после успешного форсирования Невы вел напряженные бои с наземными войсками противника в районе 8-й ГЭС. 18 января 1943 года была блокада прорвана...»

С начала сорок третьего года началось получение и освоение новой техники — приборов управления огнем и станции орудийной наводки. В Англии было закуплено несколько радиолокационных станций, обеспечивавших большие дальности обнаружения самолетов в любую погоду и передачу точных координат стрельбы. Нужны были квалифицированные кадры. Батареи укомплектовывались наиболее подготовленными офицерами, грамотными солдатами, создавались курсы, и проводились сборы для освоения новой сложной техники. Операторами на батареях, как правило, работали девушки. Они отлично справлялись с этими сложными задачами. На батарее не было случаев срыва боевой техники по вине расчетов. За успешные действия в начале 1944 года командир батареи Г. Д. Вертегел был награжден орденом Красной Звезды.

Несмотря на недавнее поражение, гитлеровцы предпринимали попытки вернуть утерянные позиции. Группировка самолетов под Ленинградом к началу февраля 1943 года увеличилась до двухсот пятидесяти

машин. Предпринимались попытки прорыва одиночных самолетов на большой высоте, но, как правило, без успеха.

17 октября на Ленинград упала последняя бомба.

Утро 14 января выдалось пасмурным, небо затянули густые облака. В 9:35 началась артподготовка. Это работали корпусная, полковая, зенитная артиллерия, это форты Кронштадта и главные калибры КБФ. В 10 часов 45 минут 2-я ударная армия наступает, а утром после еще более сильной артподготовки переходит в наступление 42-я армия. За час с небольшим на позиции гитлеровцев обрушилось двести двадцать тысяч снарядов и мин. Но только 19 января в районе Ропши армии соединились и замкнули кольцо окружения Петергофско-Стрельнинской группировки, а 21 января ее не стало...

Н. П. Мильченко, «Залпы над Невой»:

«Много стрельбы слышали за осаду ленинградцы. Но такого ошеломляющего, грозного, растущего грохота им еще не приходилось слышать. Некоторые пешеходы на улицах стали осторожно коситься по сторонам, ища, куда падают снаряды. Но снаряды не падали. Тогда стало ясно — это стреляли мы... Весь город пришел в возбуждение. Люди поняли, что то, о чем они думали — началось».

Огневые позиции 194-го ЗАП располагались в местах сосредоточения праздничного салюта, а корабли КБФ имели прямую связь с Ленинградской армией ПВО, все управление и проведение салюта легли на штаб армии и подразделения полка. 27 января в двадцать ноль-ноль в городе, на улицах которого еще пять дней назад рвались вражеские снаряды, грянул гром 24 торжественных залпов из трехсот двадцати четырех орудий, в честь Великой Победы под Ленинградом.

После снятия блокады противовоздушная оборона Ленинграда все более укреплялась и усиливалась. В мае сорок четвертого года зенитные полки 112-го оружейного состава были переформированы в отдельные зенитно-артиллерийские бригады, в том числе 194-й ЗАП переформирован в 110-ю отдельную артиллерийскую бригаду. Командиром был назначен подполковник Василий Галактионович Тимошенко. Бригада доукомплектована до полной численности — три тысячи сто человек.

С продвижением наших войск растягивалась и зона противовоздушной обороны. Граница армии включала теперь Нарву, Лугу, Шимск, Новгород, Малую Вишеру и Волхов. Особо усиленной обороны требовали отдельные крупные железнодорожные узлы, на охрану которых в марте 1944 года в район Волосово-Бегунцы-Котлы был направлен 2-й дивизи-

он. Враг был отброшен от Ленинграда к югу на 250 км. Но на Карельском перешейке линия фронта была нестабильной. Враг пытался прорваться к городу с севера. Его оборона здесь была исключительно мощной, фашистское командование считало «Карельский вал» неприступным для советских войск. Для прикрытия наших дивизий были взяты сорок третья и восемьдесят третья отдельные зенитно-артиллерийские бригады (бывшие 115-й и 169-й полки). Таким образом, на 110-ю бригаду возлагалась полная ответственность за охрану ленинградского неба не только с юга, но и с севера.

9 июля 1944 года началось наступление наших войск на «Карельский вал», а 5 сентября Финляндия вышла из войны. Последний вражеский самолет пролетел над южной окраиной города 19 сентября 1944 года.

Пришло время учебы, тренировок, политической и культурно-массовой работы. На всех батареях читались лекции и доклады, выступали ленинградские поэты Николай Тихонов и Ольга Бергольц, работали агитбригады. Созданный по инициативе и под художественным руководством начальника клуба Александрова, до войны режиссера областного драматического театра, работал ансамбль красноармейской песни и пляски. Драматическим коллективом была поставлена и шла с большим успехом комедия Островского «Без вины виноватые». Этот спектакль вышел за пределы бригады, артисты объехали с ним многие подразделения. Проводились спортивные соревнования.

В 1944 году появилась угроза нанесения фашистами ударов по городу самолетами-снарядами ФАУ-1. Это потребовало новых тренировок, повышения мастерства. Однако уже в сорок пятом году в границах ПВО появилось только четыре самолета противника.

8 марта вражеский самолет был сбит возле деревни Журахов. Конец. Экипаж пленен.

19-го января 1944 года Москва салютовала доблестным войскам Ленинградского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

В своей книге «Славная победа под Ленинградом» Георгий Федорович Одинцов, маршал артиллерии 1942-1945 гг., командующий артиллерией Ленинградского фронта, писал:

«...Вечером доложил А. А. Жданову и командующему войсками фронта: “24 залпа произведут 324 орудия. Командовать салютом поручил контр-адмиралу И. Г. Святову”.

Поскольку огневые позиции 194-го ЗАП располагались в местах сосредоточения орудий салюта, а корабли имели прямую связь с Ленинградской армией, все управление и проведение салюта легло на штаб

и подразделения полка. В 12 часов дня 27 января радики и телефоны командных пунктов принимали позывной “Волга, Волга, Волга. Начинаем тренировку”. А в 20:00 в городе, над широкой заснеженной Невой, над набережными и площадями, над еще затемненным городом грянул гром торжественных залпов... В свете ослепительных в темном небе ракет и лучей гордо высился город-боец, израненный, весь в пробоинах, со слепыми глазницами окон, но не склонивший голову перед врагом. Потом был Праздник Победы...

До увольнения в запас женщин из приписного состава военнослужащие принимали участие в восстановлении фабрики им. Желябова, кондитерской и гардинно-тюлевой им. Самойловой, в восстановлении жилья для рабочих фабрики “Советская Звезда”. Работали на восстановлении Свирской ГЭС и линии электропередачи Свирская ГЭС — Волховская ГЭС. Осваивали заброшенные пахотные и сенокосные угодья в районе станции Шапки. Освободили огневые позиции в городе и совместно с ленинградцами сажали кусты и деревья в Приморском парке Победы.

Но война не закончилась. На усиление частей ПВО, направляемых на Дальний Восток в марте сорок пятого, был откомандирован 110-й ОЗАбр, бывший 2-й, вошедший в состав вновь сформированной 111-й бригады. Дивизион был поставлен на самый ответственный участок — охрану единственного трехкилометрового железнодорожного моста через реку Амур в Хабаровске, и свою задачу выполнил с честью.

18 июля покинули часть героические военнослужащие-женщины, а по Указу от 25 сентября была демобилизована основная часть мужчин приписного возраста. В 1956 году полк был расформирован».

Вертегел Гавриил Дмитриевич — командир 162-й отдельной батареи СОН:

«Накануне войны мы имели хорошего качества артиллерию и приборы наведения, однако слабо были вооружены средствами технической разведки и приборами, которые управляли огнем в условиях ограниченной видимости, на больших высотах, с малым подлетным временем...

В 1942 году была закуплена в Англии партия радиолокационных станций, обеспечивающих большие дальности обнаружения самолетов в любую погоду и передачи координат на орудия для стрельбы. Они назывались СОН-2 — станции орудийной наводки... Станции СОН могли обнаружить самолет в воздухе на расстоянии до 50 км, вырабатывать точные координаты стрельбы с дальности сорока километров.

К станциям СОН подключалось до двенадцати батарей одновременно. Координаты стрельбы передавались голосом по телефону, вводились в ПУАЗО, а с него синхронно на орудия.

Применение СОН резко заставило немцев изменить тактику, снизило точность бомбардировок, вынуждало отказаться от прикрытия плохой погодой. Первые СОН появились в Ленинграде в начале сорок второго года. ПУАЗО мог управлять огнем только по видимым целям, с ограниченной дальностью обнаружения.

Нужны были кадры. Стали готовить их из лучших офицеров и грамотных солдат, заработали курсы.

Я прибыл в Ленинград с Закавказского фронта в конце сорок второго года в 351-й полк на должность командира 105-й отдельной батареи СОН в район 5-й ГЭС. В начале сорок третьего года мы боролись за живучесть ГЭС. В мае я был переведен в 194-й ЗАП командиром 162-й отдельной батареи, укомплектованной станцией отечественного образца, как имеющий опыт. Дислоцировались в районе мельницы им. Ленина на станции Ленинград-Навалочная.

Операторами были, как правило, девушки. Работали они отлично. Вспоминаю однополчан: Малышева, Бычкова, Ильичева, Евстифеева, Пантова, Чернышева, Ванлева, Стругалова, Басова, Мингалеев, Харьков и другие.

Я был награжден орденом Красной Звезды в сорок четвертом году».

Тимошенко Василий Галактионович — командир 110-й отдельной зенитно-артиллерийской бригады, полковник:

«...В первые месяцы из состава полка выделялся личный состав с орудиями для борьбы с танками и самолетами на дальних подступах к городу. Аналогичные задачи выполняли и дивизионы под командованием Рогозина. Когда враг замкнул кольцо блокады вокруг Ленинграда, полк занял боевые порядки непосредственно в черте города.

...Получив летом 1942 года новую, до тех пор невиданную заграничную технику, мы в короткое время освоили ее.

...При прорыве блокады в январе 1943 года дивизион полка под командованием Серова, вместе с другими дивизионами выделили накрытие наземных войск. В 1943 году батареи полка привлекались для усиления ПВО 5-й ГЭС, единственной, действующей в Ленинграде.

После окончательного снятия блокады в январе 1944-го дивизионы полка выделялись на охрану отдельных объектов, в основном ж/д станций в Ленобласти.

В мае 1944 года полк преобразован в 110-ю отдельную зенитно-артиллерийскую бригаду, командование которой было доверено мне. Она была доукомплектована сотней орудий среднего калибра, 18-ю стволами малого, прожекторами и СОН и доведена до состава 3113 человек.

Один дивизион бригады снова на баржах был выведен в Финский залив. Возглавлял группу плавсредств с обеспечением капитан первого ранга Смирнов.

До увольнения в запас личный состав бригады принимал активное участие в восстановлении отдельных предприятий города. Это фабрики: кондитерская и гардинно-тюлевая им. Самойловой, им. Желябова, это жилье для рабочих Советской Звезды, Свирская ГЭС и установка линий электропередач от Свирской к Волховской ГЭС. Это рыболовецкий колхоз Сидя-Палкино, освоение пахотных и силосных земель в районе Шапки Тосненского района. Совместно с ленинградцами высаживали Приморский парк. Была и другая хозяйственная работа по демонтажу военно-структурных объектов и передачи земли в мирное пользование. Мы произвели демобилизацию и отправили часть личного состава для пополнения наших частей в Иране. Многие военнослужащие остались в городе на Неве, навсегда связав свою судьбу с ним.

Большинство возвращалось к мирной жизни без раскочки. Стосковались по такой жизни. И она пришла...»

Сигарев Александр Федорович — капитан командир четвертой батареи:

«В составе четвертой батареи 1-го дивизиона 194-го зенитного полка мне довелось служить дважды — с сентября по декабрь сорок второго года командиром огневого взвода и с конца мая сорок третьего по февраль сорок четвертого командиром батареи. Когда я впервые прибыл на четвертую батарею, она дислоцировалась на трех баржах, причаленных к береговой стенке стадиона им. Ленина, в 120 метрах западнее Тучкова моста. Мне понравилось там сразу. Я очень требовательный командир, и то, что люди пошли мне навстречу, меня порадовало. Мне всячески помогали в совершенствовании мастерства батареи командир батареи старший лейтенант Гаврик Алексей Васильевич и комиссар, младший политрук Рысев Петр Ильич.

Летом сорок третьего нам предстояло в сжатые сроки передислоцироваться с барж на тренировочное поле стадиона им. Ленина, где предстояло строить в полный профиль позицию батареи, жилье, бытовые и служебные помещения, и при передислокации нужно было заменить ПУАЗО на новую модификацию и обучить людей, а этот прибор не знали даже техники батарейцы. Да и двух опытных офицеров у меня забрали, сократили штат.

Треть состава у нас на тот момент была из девушек. Им не так-то легко было рыть котлованы, но пришлось. Под зеленым покрытием был заложен метровый слой строительных отходов — кирпич, стекло, гравий,

обломки штукатурки... Дежурств на позициях никто с нас не снимал. Восемь часов у приборов, четыре часа с лопатой и ломом. Нам нужен был лес-кругляк для перекрытий. Кто нам его даст? Пригодился запас бревен, выловленных из реки. Плыли эти бревна со стороны Невской Дубровки, где использовались для усиления дороги жизни. Их отлавливали, и они шли на топливо, часть была связана в плоты и пришвартована к баржам. Теперь все эти запасы пошли в дело. Доски и фанеру брали в разрушенных домах и баржах. Население забирало это добро на топливо. Самый важный объект — кухня-столовая-красный уголок — строили с особой любовью.

Октябрь сорок третьего года — десятилетие полка. Командование решило провести соревнования на звание лучшей батареи. Иду я к капитану Шамраю, в полной уверенности, что мне удастся отвертеться от участия в соревнованиях, учитывая кровавые мозоли личного состава и многое другое, и выслушиваю примерно следующее:

— Мы считаем вашу батарею и вас лично как командира наиболее подготовленным к участию в смотре, а ваши проблемы — ваш актив. Все будет учтено. Шанс оказаться лучшим комбатом к десятилетию не часто бывает. Удачи!

Я понял, что капкан наглухо захлопнулся...

Но трусов и маловеров у нас оказалось мало. А может быть, их вообще не было. И мы стали готовиться, в свободное от дежурств и земляных работ время. Мы работали, зачастили комиссии, — какой же конкурс без интриг и подковерной борьбы?

Потом был вечер в Доме ученых. Мне впервые в жизни довелось участвовать в таком представительном мероприятии — все полковое начальство, все командиры дивизионов, командиры всех двадцати пяти батарей, политруки, и очень много гостей, офицеры с большими звездами на погонах...

В юбилейном докладе командира 194-го ЗАП подполковника Громова много было сказано правильных слов о самоотверженности армии и жителей города, приводилась статистика о сбитых самолетах... Я трепетно ждал, когда он заговорит о результатах конкурса...

Наша батарея стала лучшей! Все получили благодарности. Мне было присвоено звание "старший лейтенант", и я был принят в партию.

Не все сержанты были на одной ступени качества, но все без исключения достойны того, чтобы сказать о них доброе слово, чтобы их фамилии были записаны в анналы боевой славы не только четвертой батареи, но и всего полка. Это старшие сержанты Агузумдян и Яковлева (приборное отделение), сержанты Добрин, Домогацкий, Тимохин, старший сержант Балдин. Это командиры орудийных расчетов: сержант

Ушаков — командир дальномерного отделения, старшие сержанты Андреев и Прихна, связь и радиосвязь, Дубицкий — отделение разведки.

Гарник Семенович Агузумдян до войны учился в Ленинградском институте текстильной промышленности. Его общеобразовательная подготовка, хорошее знание города и личные связи в Ленэнерго, где он производил зарядку аккумуляторов, и в тыловых службах определили его особое положение. То есть он считался человеком, без которого трудно. Он часто руководил работами по оборудованию новой позиции. Позднее он поступил в Горьковское училище зенитной артиллерии и получил офицерское звание.

Командир дальномерного отделения Ушаков Константин Иванович обладал необычайной стереоскопичностью зрения и мог поспорить с любым локатором в способности дать точку высоты или дальности воздушной цели. Он прекрасно знал силуэты наших и вражеских самолетов и был безотказным разведчиком. Жизнелюб, шутник, балагур. Юмор не покидал его в самые тяжелые минуты. Его все любили на батарее и называли “Ушак”, “Ушак-Паша”, как турки величали нашего флотоводца и “Константин Иванович Князь Шуйский”. До войны он жил в Шуе и был ткачом.

Старшие сержанты Андреев и Прихна непостижимым образом подключились к городской электросети, кого-то умаслили, и на батарее было электрическое освещение.

Особыми качествами отличался и наш командир разведки Дубицкий. Застенчивый, немногословный, внешне медлительный. Он не только знал силуэты самолетов, но и определял их на звук. После его доклада можно было не брать в руки бинокль.

Дубицкий — поэт. Он писал неплохие стихи о наших буднях. Цены не было таким людям.

Старший сержант Аркадий Балдин был наиболее сильным и авторитетным из всех. Он мог заменить любого на любой позиции. Он был у меня нештатным помощником командира взвода.

Из офицеров бесспорно похвалы заслуживает Лев Абрамович Слив. На его плечи легла забота по освоению ПУАЗО-3. Кандидату наук легче было разобраться в схемах. Но этого командира взвода заметили наверху и забрали у нас. Он стал командиром батареи, а в последний год войны начальником штаба дивизиона.

Не могу всех назвать — места не хватит, да и вспомнить всех не могу, память подводит. Добросовестная работа парторга... комсорга Сидоренкова, старшины Мартынова, командира отделения тяги Михаила Павловича Тихонова, врага педикулеза и фурункулов — санинструктора Левина, повара Софии Шаусюк, которая в сложнейших блокадных условиях делала все возможное и невозможное.

Стереоскописты Сидоренкова Нина Онуфриевна и Сыч Александра Емельяновна, Атландерова Зоя, Малышева Валентина, Собинина Галина, Кутьина, Ягунова. Связисты и радисты Коровкина Антонина, Новожилова Антонина, Розова Татьяна, Прохорова Зинаида, наводчики орудий младшие сержанты Аксенов и Касьян. Лучшим девушкам было в сорок третьем году присвоено звание ефрейтора.

Таня Коровкина и Таня Розова — коренные ленинградки. До войны работали копировщицами на заводе, безупречно владели техникой. Их каллиграфическим почерком была оформлена вся документация в оперативной комнате и стенная печать. Осенью сорок третьего года Таню Коровкину перевели в штаб дивизиона старшим писарем.

Нина Сидоренкова прибыла в блокадный Ленинград с группой девушек из Подмосковья. Она обладала такой же стереоскопичностью зрения, как сам сержант Ушаков. Стала комсомольским организатором, чудесно пела. Когда возникла необходимость, стала санинструктором.

Солдат нуждался и в духовной пище, и в организованном отдыхе. Его настроение в бою во многом зависело от его досуга. Я по образованию гуманитарий, преподаватель истории, лектор общества “Знание”. Так что с политинформациями у нас все было в порядке. С самостоятельностью было хуже. “Заворачивала” ею наша певица Сидоренкова. Отличные вокальные данные, сильный голос, умение подражать известным артистам. “Синенький скромный платочек”, “Вернись, я все прощу...”, другие песни завоевали сердца солдатские. Исполнение ее достигало профессионального уровня.

Начиналась батареиная самостоятельность с вечеров отдыха, точнее, вечеров танцев, между которыми пели и читали стихи. Каждый делал, что умел. Сержант Ушаков любил рассказывать веселые истории, в том числе на исторические темы из эпохи Ивана Грозного. Доводилось и мне читать стихи. Пушкин, Маяковский, Шевченко, Руданский, Коста Хетагуров и Вадим Шефнер. Были у нас и свои исполнители на мандолине, гитаре, балалайке. Мы стали прирастать вокалом, хором, танцами. Никто из нас нотной грамоты не знал. Тут лидировал Прихна. Мы с ним играли на мандолинах, и он под меня подстраивался. Танцы отплясывали энтузиасты — “гопак”, “яблочко”, “барыню”.

Дважды у нас бывали официальные концерты — к полковому смотру и новогоднему вечеру сорок третьего года. Новогодний концерт прошел отлично — не было проверяющих.

Командовал 4-й батареей я около восьми месяцев. Потом началась подготовка к наступательным операциям на Карельском перешейке. Началась ротация офицерских кадров. И меня Шамрай забрал к себе начальником штаба дивизиона, а вышло же для меня еще хуже.

Я проработал начальником 1-го дивизиона всего лишь несколько дней. Когда представили мое назначение в штаб Ленинградской армии ПВО, там решили по-своему и направили меня, как и Коновалова, во вновь формируемый полк, дислокация которого была на станции Всеволожская и восточнее. Предстояло из подручных материалов создавать дивизионно-командный пункт, учиться самому и учить других, создавать систему дивизионной связи, подключаться к контролю по управлению батареей, получив совершенно неподготовленный состав с "Большой земли". Покидал я свою 4-ю батарею с чувством гнетущей тоски, не хотелось расставаться с коллективом, с которым сжился. И я искренне желал, чтобы мой преемник уважал добрые отношения, которые сложились в этом подразделении».

Аксенов Владимир Николаевич:

«...Наша батарея чаще других меняла позицию. Обычно мы находились в районе станции Мяглово-Манушкино-Островки и на дороге жизни, в районе Борисова Грива — Ваганово-Ладожское озеро. Раза три были на Карельском перешейке, один раз на станции Витебская товарная.

В районе Манушкино был наш аэродром, и чуть не ежедневно над ним разворачивались бои. Наша батарея вела огонь по вышедшим из боя самолетам. Стреляли и по наземным целям на левом берегу Невы — Павлово, Отрадное. Особенно успешной была стрельба по только что прибывшему в Отрадное немецкому штабу. Разведчики доложили координаты, и одно орудие с позиции на ст. Островки произвело пристрелку, и в течение нескольких минут мы выпустили всей батареей двести снарядов. В ответ немцы методично обстреляли всю железнодорожную ветку от Островков до Манушкино. Батарея наша покинула позицию и занялась заготовкой дров в лесу. Мы вернулись через два месяца, поведя на Ладожском озере, и узнали, что каждый день ровно в семнадцать часов немцы обстреливали нашу бывшую позицию.

Паровозная бригада, ст. сержанты Лазарев, Пархоменко, Масалков и старшина Коваленко, умели скрытно передвигать батарею. Особенно запомнился один из майских дней сорок второго года на Дороге жизни. Две батареи, наша шестая и первая, прибыли на станцию Ладожское озеро. Первую поставили прямо на пирсе, который уходил в озеро метров на сто. Наша же находилась в гравийном карьере, рядом со складом боеприпасов.

День был ясный. Десятки бомбардировщиков в сопровождении истребителей шли на Дорогу жизни. Главный удар приняла первая батарея. Прямым попаданием бомб были выбиты два орудия, но батарея жила и вела огонь до конца боя. У нас потерь не было.

Тяжелый бой был 30 марта 1944 года на станции Елизаветино, это ветка Гатчина-Нарва. К этому времени немцы потеряли преимущество в воздухе и действовали мелкими группами.

Шли тяжелые бои под Нарвой. Железнодорожный путь от Гатчины на Нарву фашисты хотели прервать или сделать ненадежным. Их самолеты шли на большой высоте через Псков на Гатчину, здесь выключали моторы и планировали на полотно. Поздно вечером в Елизаветино сошлись два состава, и их атаковали. Дежурный разведчик Нестеров дал тревогу, даже не слыша шума моторов. Мы открыли огонь. Один самолет все же прорвался к батарее. На втором орудии были убиты командир орудия Гулидов, и парторг батареи Мамедов заменил его. Были убиты старший сержант Сергеев и разведчик Ляхов. Но самолет был сбит. Он упал возле станции Малосковицы.

Батарея участвовала в обеспечении Свирской операции. Так как путь через Мгу не был восстановлен, ехали ночью по Шлиссельбургскому мосту. Обошлось. Бронепоезд прошел...»

Вадивасов Василий Иванович, секретарь парторганизации полка, подполковник:

«...За годы войны, особенно в ее начале, происходило большое перетекание кадров. Сменилось пять командиров полка — Егоров А. Н., Бобахо Л. С., Ермолаев, Громов С. А., Тимошенко В. Г., три военкома по политчасти — Григорьев И. Г., Привалов К. А., Стукалов П. И., нач. штаба — Котов, Сычев, И. К. Лопатенко. Из числа военкомов были выдвинуты на командные должности Левичев М. М., Кочетков П. Я., батарея которого особенно отличилась в прорыве блокады в январе сорок третьего, сбив за семь дней боев 9 фашистских самолетов. Помню прекрасного радиолокаторщика Руденко П. М.

В батареях не раз выступал перед солдатами писатель Н. А. Тихонов. Так было на 6-й батарее на Марсовом поле и на 22-й батарее на площади Декабристов, на которую приезжали американские генералы после тегеранской конференции. Работники клуба оборудовали агитмашину, на которой имелась радиоустановка с мощным громкоговорителем, киноустановка и походная библиотека. Полк имел сорок пять подразделений, и требовалась постоянная и четкая работа.

Особую заботу политработники проявляли о питании и отдыхе... Печи для землянок-бань изготовили на ленинградских заводах. В яхт-клубе работала плавучая баня- санпропускник. В тяжелейших условиях обошлось без массовых заболеваний.

Из офицеров полка выросли настоящие полководцы. Это Юрасов Е. С., заместитель командующего войсками ПВО страны, генерал-

полковник, герой Социалистического труда. Он начал службу в 5-ом дивизионе. Гордеев Валентин Гурьевич — полковник. Командовал 223-м ЗАП. Елисеев Василий Емельянович — подполковник, командовал 223-м ЗАП. Белов Владимир Сергеевич — полковник, работник штаба Ленинградской армии ПВО. Бугорков Иван Петрович — полковник. Командовал 223-м ЗАП».

Приложение

Зенитные батареи малого калибра — МЗА разместили на крышах вокруг важнейших объектов города. Так после передислокации 194-й зенитно-артиллерийский полк стал центральным полком в городе, и его боевые порядки почти были стабильными до снятия блокады Ленинграда.

Штаб и командный пункт (КП) полка располагался в подвале Дворца Труда, а наблюдательный пункт (НП) на его крыше. Тыл полка размещался на Пустом переулке — ныне улице Шателена.

I-й дивизион

Дивизионный командный пункт (ДКП) и штаб дивизиона — на территории I медицинского института по улице Льва Толстого, НП — на здании анатомического театра института. Командир дивизиона — капитан Шамрай.

1-я батарея — на территории главной водопроводной станции у Смольного.

2-я батарея — Петровская набережная, угол набережной Большой Невки. Командир — старший лейтенант Н. Цветков.

3-я батарея — Свердловская набережная, у Металлического завода на баржах. Командир — старший лейтенант Ларичев.

4-я батарея — улица Красного Курсанта (стадион Химик).

5-я батарея — Кушелевский холодильник. Командир — старший лейтенант Белов Владимир Сергеевич.

II-й дивизион

ДКП и штаб дивизиона размещались в здании Ленинградского института киноинженеров — ул. Правды, д. 13.

6-я батарея — Марсово Поле. Командир — старший лейтенант Гантфоль Саул Григорьевич.

7-я батарея — Ипподром (ТЮЗ). Командир — лейтенант Зембицкий.

8-я батарея — Александро-Невская Лавра. Командир — старший лейтенант Гордеев Валентин Гурьевич.

9-я батарея — Глухоозерское шоссе. Командир — старший лейтенант Гордеев Валентин Гурьевич.

10-я батарея — Волково кладбище. Командир — капитан Горбачев И. Г.

Батарея СОН — Глухоозерское шоссе. Командир — старший лейтенант Лерман Икев Давидович.

III-й дивизион

ДКП и штаб — Петровская коса, Яхт-клуб.

2-я батарея на баржах — Лахта, командир — старший лейтенант Савичев.

12-я батарея на баржах — остров Вольный, командир — старший лейтенант Бугорков Иван Петрович.

3-я батарея — Адмиралтейский завод, командир — старший лейтенант Ларичев Михаил Михайлович.

14-я батарея — Вольный остров, командир — лейтенант Типин, на баржах.

15-я батарея — остров Декабристов, командир — старший лейтенант Пимченков, на баржах.

Батарея СОН — остров Декабристов.

IV-й дивизион

ДКП и штаб — Гавань, угол Наличной и набережной реки Смоленки, командир — дивизиона капитан Филюгин.

16-я батарея, спаренная с СОН-2 — остров Декабристов.

17-я батарея. Командир — лейтенант Воробьев.

18-я батарея — Дворец культуры имени С. М. Кирова.

19-я батарея — Смоленское кладбище, командир — старший лейтенант Елисеевич Василий Емельянович.

20-я батарея — у памятника Петру Первому, командир — старший лейтенант Ибатулин.

Батарея СОН — остров Декабристов.

V-й дивизион

ДКП — Нарвская площадь, химико-технологический институт бумажной промышленности, командир — капитан Бобров.

21-я батарея — стадион «Каучук».

22-я батарея — сад «Буфф».

23-я батарея — Московская площадь.

24-я батарея — Торговый порт.

25-я батарея — стадион Кировского завода.

Дивизион МЗА

Металлический завод имени XXII партсъезда.

Городская водопроводная станция.

Государственный оптико-механический завод (ЛОМО).

Финляндский железнодорожный мост через Неву.

Художник Ирина Илюшкина